

Одержимый субъект современности

Александр Смулянский. Желание одержимого: невроз навязчивости в лакановской теории. СПб.: Алетейя, 2016. — 184 с.

О Лакане говорят. Лакана изучают. Лакана распространяют. При этом лакановскую теорию практически не развивают несмотря на то, что она продуктивна.

На сегодня Лакан является одним из самых читаемых и исследуемых мыслителей современности, притом что авторы этих исследований редко склонны заниматься тем, что могло бы обернуться природом именно психоаналитического знания. Лакановскую теорию прилагают к разным явлениям культуры и общества и при этом часто оставляют в тени ее клиническое значение — оригинальную лакановскую теорию неврозов. Одним из важных предметов ее приложения является невроз навязчивости, по поводу которого в семинарах Лакана оставлены замечания, не только проясняющие устройство этого невроза, но и одновременно принципиальные для понимания лакановского учения в целом. Именно от этих замечаний отталкивается «Желание одержимого».

Может показаться, что исследование навязчивости ничего нового не обещает: любой образованный человек может высказаться на эту тему без затруднений. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что психоаналитики до сих пор не сформировали никакого отчетливого и связного знания по поводу так называемого обсессивно-компульсивного расстройства. Как справедливо указывает автор, все, что аналитики знают об обсессии, в своей основе является не психоаналитическим, а медицинским знанием. В рамках последнего обсессивная симптоматика и получила то наполнение, которое в нашем сознании до сих пор бытует по умолчанию: навязчивые мысли, частое мытье рук, перешагивание трещин в тротуаре, проверка газовых кранов и т. п.

Один этот факт мог бы убедить в том, что невроз навязчивости представляется областью наименее разработанной, а значит, и наиболее продуктивной. Предпринятое автором исследование выводит невроз навязчивости из дискурса медикализации и предлагает психоаналитический подход к душевной жизни невротика навязчивости. Каким предстает обсессивный субъект на страницах «Желания одержимого»?

В первую очередь это субъект, действия которого сопровождаются специфической тревогой. Понятие «тревоги», взятое из фрейдовского психоанализа, было существенно переработано Лаканом и с тех пор практически не получало развития. С лакановской точки зрения, тревога — это аффект, который может возникнуть, когда субъект не знает, кем он для другого является. В семинаре, носящем соответствующее название «Тревога» (1962–1963 годы), эта ситуация проиллюстрирована встречей субъекта в маске с самкой богомола. Не зная, какая в точности маска на нем надета, субъект охвачен беспокойством за собственный образ, который может ввести богомола в заблуждение относительно того, кем он, субъект, является на самом деле.

В «Желании одержимого» тревога обсессивного субъекта продолжает быть связана с ситуацией неопределенности, однако более тонким образом. В тексте она обозначена как «отброшенная тревога другого» (69). Чтобы понять, какое значение вложено в это определение, необходимо проследить за описанием, которое дает автор ее проявлениям. В первую очередь он обращает внимание на занятие, за которым постоянно можно застать обсессивного субъекта, — скрупулезным наблюдением за деятельностью лиц, добившихся общественного и публичного признания. Уже снискав свою долю успеха, они, как невротика кажется, не находятся по отношению к своему успеху на должной высоте. Так, они то и дело позволяют говорить себе глупости или совершают какие-то мелкие огрехи, не подобающие их положению, за чем невротик навязчивости тщательно следит. Именно это составляет его «одержимость», а отнюдь не навязчивое мытье рук или проверка газового крана. Наблюдая за промахами в целом успешного Другого, обсессивный субъект непроизвольно ведет им «счет», составляет список, который является свидетельством нечистой истории достигнутого другим признания. В моменты, когда последний вновь совершает что-то недостойное его положения, субъект испытывает за другого стыд. *За* здесь означает не только *из-за*, но и *вместо*, поскольку наблюдаемый навязчивым субъектом Другой никакого стыда не знает. Являясь эквива-

лентом тревоги, этот стыд-за-другого приковывает субъекта к его наблюдательному пункту, который он не в силах покинуть. В своем положении он напоминает солдата, который не решается выходить из окопа во время атаки, воображая, что вражеская пуля будет нацелена именно на него.

Невротик, наблюдающий за успехами другого, таким образом, исходит из предположения, что за успех ему придется расплатиться собственной смертью. Смерть эта (конечно же, символическая) изначально дана в виде смерти отца и сопровождается специфическим невежеством последнего, которое было сформулировано одним из фрейдовских анализантов в виде высказывания: «Он не знал, что был мертв» (106)¹. Согласно Лакану, убежденность в отцовском невежестве в норме и позволяет субъекту быть свободным от тревоги. Невроз навязчивости, таким образом, проявляется в том, что в отцовском невежестве субъект больше не уверен — он наблюдает за действиями ходячих мертвецов, которые не знают, что они мертвы, но при этом действовать продолжают:

При всей надменности такого субъекта его спокойствие легко может быть поколеблено бессознательными соображениями, согласно которым осведомленность отца действительно заходит так далеко, что он может знать о том, до какой степени для субъекта он был мертв с самого начала (107–108).

Именно неуверенность в невежестве отца и порождает обсессивную тревогу, заставляющую субъекта таиться, из-за чего его попытки как-то себя проявить в большинстве случаев ни к чему не приводят.

Причины этого положения автор видит в следующем: пытаюсь произвести свой собственный продукт, совершить самостоятельный поступок, невротик навязчивости всякий раз оказывается своим творением недоволен, еще его не завершив. Он постоянно вносит в него различные изменения и улучшения, откладывая завершение на неопределенно долгий срок, в итоге просто бросая и принимаясь за что-то другое. Поначалу воодушевляясь очередным начинанием, он вскоре начинает испытывать все большее от-

1. Высказывание это появляется в работе Фрейда (*Фрейд З. Положение о двух принципах психического события // Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Фирма СТД, 2006. С. 22–23*) и анализируется Лаканом (*Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 156*).

торжение по отношению к производимому им объекту. Противясь завершению, субъект бесконечно откладывает наступление того момента, когда результат нужно будет вынести на суд публики. Этого сделать он не в состоянии, поскольку не может избавиться от груза тревоги, который он несет за другого. Однако и бросить все свои занятия он не в силах, потому что возможность что-либо производить он воспринимает как требование. От требования этого он может лишь многократно отказываться, так и не приближаясь к той черте, за которой его тревога могла бы стать ношей для кого-то еще.

Таков вкратце портрет невротика навязчивости, хотя он не исчерпывает всех его проявлений, описанных в работе. В книге также можно найти описания самых разнообразных проявлений обсессии — от импотенции до панических атак. Однако есть там и нечто большее, о чем стоит сказать отдельно.

Помимо клинического измерения, «Желание одержимого» предлагает ряд гипотез, касающихся публичного пространства, за правилами поведения в котором обсессивный субъект тщательно следит. Стыд, который до этого был представлен как его частное дело, выступает в «Желании одержимого» как тайная причина производства современной культурной продукции. Гипотеза представляется интересной, поскольку, оставаясь по сути психоаналитической, выводит исследование за клинические рамки и позволяет взглянуть на то, как устроена современная эпоха и принадлежащий ей субъект.

Чтобы отчетливее увидеть радикальное отличие в положении этого субъекта, можно взглянуть, как было устроено требование, предъявляемое к публичной деятельности, например, в эпоху Античности. Что было «хорошей публичной речью» с точки зрения Аристотеля? Как его «Поэтика», так и «Риторика» сплошь пронизаны модальностью назидания: Аристотель формулирует основные предписания, адресованные ораторам и поэтам. С его точки зрения, речь представляла объект, которому можно было придать наилучшую форму, указывающую на благо заключенного в ней содержания.

Иную ситуацию, с точки зрения автора, мы наблюдаем сегодня, когда с требованиями, предъявляемыми к публичной деятельности, субъект начинает выстраивать обсессивные отношения. Так, современный писатель стремится уклоняться от буквального следования общепринятым требованиям и правилам. То, что прежде проходило под маркой подражания высоким образцам, сегодня преобразовалось в борьбу с шаблонами и клише. По этой причи-

не постоянно сменяют друг друга и сами требования, формируя то, что принято называть «направлениями», под которыми следует видеть новый виток отбрасывания тревоги.

Акт публикации, предъявления произведения в эпоху современности всегда остается двусмысленным как для автора, так и для наблюдателя. На этой основе возникает современный институт, пытающийся эту двусмысленность устранить, наблюдающий за всеми удачами и неудачами субъекта на поприще соискания признания, по мере надобности освещающий темные стороны деятельности автора, которые могли бы бросить тень на его славу, — иными словами, институт критики. Двусмысленность акта высказывания заставляет и самого автора объясняться с читателем, оставлять комментарии к своим сочинениям, беспокоиться об их правильном восприятии. Предъявляя литературный или иной продукт, современный субъект не знает, что именно он выставляет напоказ. Выслушивая похвалу или аплодисменты, он ощущает себя неловко, предчувствуя, какую цену ему предстоит заплатить за свой успех.

Если же субъекту удалось это неудобство преодолеть и достичь относительного публичного успеха, его тревога не исчезает, но постоянно сопровождает его достижения. Ни одна история успешной личности никогда не бывает чистой: всякий раз она обрастает «скандалами, интригами, расследованиями», ниспровергающей критикой, но также и возгласами восхищения, попытками оправдать, отмыть продукт от каких-либо грязных историй. Известно, что судьба текстов таких авторов, как Фридрих Ницше или Мартин Хайдеггер, и по сей день сопровождается двумя операциями — очернения и обеления. Тяжба эта, безусловно, никогда не будет закончена, поскольку обе стороны связаны одной и той же тревогой. Это касается в равной степени и судьбы текстов Зигмунда Фрейда или Жака Лакана: их вхождение в публичное пространство всегда сопровождалось мощным всплеском тревоги.

Иными словами, акт предъявления объекта на путях соискания признания оказывается двусмысленным не только для невротика навязчивости, но и для всякого, кто этот акт наблюдает. Возможность эту тревогу предъявить в критическом высказывании является своего рода сублимацией. По этим причинам субъект никогда не бывает уверен, в каком месте ему свой продукт лучше всего предложить: например, на каком ресурсе можно размещать свой текст, а на каком делать это было бы постыдно. Забота о репутации того или иного издания, чистота его публикационной истории, проблема «проплаченности» — все это является способом

отправления тревоги, поскольку связано с тем, как именно культурная продукция предлагается аудитории.

Одним из базовых событий, сформировавших публичное поле в таком его виде, является, как утверждается в работе, философская программа картезианства. Обычно считается, что картезианское *cogito* — специфически философское достижение современности, благодаря которому субъекту оказывается доступен акт самосознания, критического и трезвого отношения к себе и окружающему миру; что это инструмент познания и самопознания и т. п. Значительное место в работе занимает доказательство того, что *cogito* представляет собой не залог интеллектуальной трезвости, а один из элементов навязчивости. Именно высказывание Декарта образовало структурную возможность того наблюдательного пункта, который занимает обсессивный субъект. В клинике это проявляется в виде заведомой осведомленности субъекта о наличии у него обсессии, а также в его общей теоретической подкованности. Сама по себе такая осведомленность не служит улучшению его положения, так как представляет собой отправление невроза навязчивости и потому, скорее, препятствует течению анализа. Тем не менее именно этот поиск истины о себе самом приводит невротика навязчивости в анализ, где ему предстоит порвать свои отношения с истиной и начать образовывать отношения со знанием — не только тем знанием, которым, как он предполагает, владеют аналитики и которое он ошибочно воспринимает как истину, но и тем, что лежит в центре его невроза.

В связи с этим хочется обратить внимание на рассмотренные в работе отношения входящего в анализ обсессивного субъекта со знанием, приписываемым невротиком своему аналитику и определенным автором как знание, которое «в обслуживании тревоги его носителя не нуждается» (182). Другими словами, тревога аналитика не становится проблемой анализанта. Данная гипотеза, как кажется, вступает в противоречие с другими сторонами изложенной автором теории. Если следовать за концепцией «Желания одержимого», аналитическое знание на всех этапах его формирования сопровождается возникновением тревоги. Так, тревога появляется уже в текстах Фрейда: наблюдать ее можно в многостраничных пассажах, где он предпринимает попытку оправдаться, прежде чем предложить интерпретацию, которая, с его точки зрения, может показаться читателям необычной. У современного читателя эти оправдания, скорее, вызывают нетерпение и недоумение, поскольку он, как правило, знаком с теорией Фрейда и знает, чего ждать от его текстов. Ему неведо-

мо, что здесь он сталкивается с тревогой Фрейда, и сопровождает она не содержание, а именно акт предъявления интерпретации.

Тревога эта заставляла Фрейда не только постоянно забегать вперед, стараясь предугадать реакцию читателя-профессионала, но и стремиться заранее увидеть судьбу психоаналитического проекта на открытой публичной сцене. По этой причине Фрейд постоянно обращался, помимо коллег, к широкой публике, разъясняя ей основы своего учения. Эта инерция разъяснения привела к тому, что психоанализ существует сегодня в виде популярных пересказов, в которых тревога Фрейда уже отброшена, из-за чего к психоанализу они не имеют отношения.

Если развивать предложенную в «Желании одержимого» концепцию, то подобное происходит всякий раз, когда аналитики действуют под взглядом Другого, в роли которого способен выступить сам невротик навязчивости. Не потому ли аналитики постоянно погружаются в рассуждения на тему отличий психоанализа от других видов терапии: психологии, психотерапии, психиатрии? В таком случае тревога становится частью их деятельности, и ее отправление восходит к Фрейду, потратившему много усилий, чтобы отделить психоанализ от других способов работы с нарушениями в душевной жизни субъекта.

Таким образом, тезис автора книги «Желание одержимого», согласно которому тревога психоаналитика не является для невротика навязчивости проблемой, может представляться спорным. Жесты размежевания с непсихоаналитическим знанием, совершаемые психоаналитиками, не могут не привлекать внимания обсессивного субъекта. Тревога, вызванная в аналитике его навязчивым побуждением, сначала становится его собственной проблемой, а впоследствии, когда субъекту предстоит определиться, какой вид терапии является для него наиболее подходящим, оказывается проблемой уже для входящего в анализ невротика навязчивости. В то же время благодаря Лакану у аналитиков возникает возможность иначе решать эту трудность: не дискутировать с прочими клиническими направлениями, пытаться очистить от них анализ, а интерпретировать акт их высказывания. Иными словами, предлагать не истину, а знание, которое может быть избавлено от услуг тревоги.

Тревогу можно обнаружить и в тексте автора «Желания одержимого» — к примеру, там, где он упрекает аналитиков, что они практически не занимаются темой навязчивости. От этой тревоги автор в иных местах избавляется, интерпретируя причины умолчания специалистов. Однако по большей части он опровергает

представления, которые по поводу невроза навязчивости уже сложились, и не интерпретирует причины возникновения этих представлений в психоаналитической теории. Однако это — не в упрек автору, поскольку представляется невозможным предлагать какое-либо суждение в сфере аналитической теории, не учитывая происходящего в этой теории на уровне содержания концепций и не вступая в полемику.

Именно такой учет позволяет автору поставить вопрос, не менее принципиальный, чем вопрос о неврозе навязчивости. Речь идет о пункте, который лишь в первом приближении оказался очерчен в работе и который, как кажется, не получил в ней должного развития. Это вопрос о *желании аналитика*.

Концепт желания аналитика был введен Лаканом в самый острый момент его преподавательской деятельности — в семинаре, который окажется для него последним из прочитанных в клинике Св. Анны². С тех пор о желании аналитика было сказано много «правильных» вещей — то, что стало в свое время проблемой для окружения Лакана, в итоге превратилось в тему для профессиональных разговоров и пункт самоопределения, которые уже больше никого не могут потревожить. Скорее, напротив: подобные речи носят для самих аналитиков успокоительный характер. Из Лакана ничего подобного не вытекает: желание аналитика в том виде, в котором его вводит Лакан, — это не тема для устава Международной психоаналитической ассоциации. Вопрос о желании аналитика выводит на уровень, где, помимо чтения Фрейда или Лакана, должна быть рассмотрена судьба их текстов в аналитическом поле.

Дополнительные трудности создает то, что будущему аналитику сначала предстоит обнаружить психоаналитическое сообщество в уже сложившемся виде, по неизвестным для него самого причинам вступить в него и лишь затем столкнуться с вопросом, который может им не формулироваться открыто. Вопрос этот связан с тем, что психоанализ как исторически сложившаяся дисциплина представляет собой систему знания, ни на букву не отступающего от текстов Фрейда, но при этом скрывающего элемент, запускающий всю систему в целом — желание ее творца. Аналитики, скорее, склонны не замечать этот элемент и воспринимать свою деятельность как нечто естественное — как «призвание», профессиональный долг. Что может быть естественней для психоаналитика, чем заниматься психоанализом? Поэтому

2. Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис; Логос, 2010. Кн. 10: Тревога.

и само фрейдовское знание (поскольку оно держится именно этим ускользнувшим элементом, в свою очередь, как замечает Лакан, начинает ускользать из рук аналитиков. Выработав в своих семинарах определенные процедуры постановки аналитического знания под вопрос (в частности, в инструменте различения акта и содержания высказывания), Лакан смог указать на наличие этого отброшенного элемента, заговорив о желании аналитика. Однако после этого с самим Лаканом поступили как с непотребным объектом, исторгнув его из официального сообщества и лишив права преподавать.

Представив набросок этой проблематики, автор не развивает затронутую тему до конца — с его точки зрения, она необходима лишь для того, чтобы указать на наличие элементов obsessions в самой аналитической практике. Читатель, таким образом, остается с материалом, который предлагает дальнейшее продвижение в психоаналитической теории.

Иван Скопин